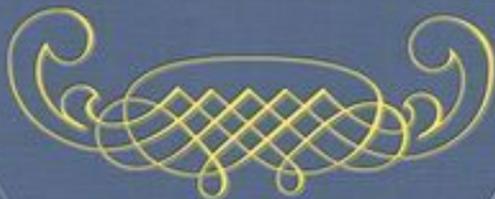

И. С. ЛУКАШ

Иван Созонтович Лукаш
Нечаянная ода
Серия «Со старинной полки»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2454765

Аннотация

«Вы, может быть, не забыли еще письма балерины Карсавиной в «Сидней таймс», приведенного и у нас, о немецкой фильме «Патриот».

С благородной стремительностью славная российская танцовщица стала на защиту памяти несчастнейшего из государей российских, Павла Петровича...»

Иван Созонтович Лукаш

Нечаянная ода

Вы, может быть, не забыли еще письма балерины Карсавиной в «Сидней таймс», приведенного и у нас, о немецкой фильме «Патриот».

С благородной стремительностью славная российская танцовщица стала на защиту памяти несчастнейшего из государей российских, Павла Петровича:

«Я ничего не скажу о нелепостях и исторических неточностях, о нелепом разговоре убийцы с придворным о будущем своем преступлении, об американской беготне по дворцу графа Палена и многом другом.

Но я считаю своим долгом, во имя справедливости протестовать против умышленного искажения истории, против лживого заголовка «все перебиты» – речь идет о вымышленной жестокости всех русских царей, против данного изображения императора Павла. Если он и был неврастеником, иногда обуреваемым приступами бешеного гнева, то в обычные минуты это был мягчайший и деликатнейший человек, весьма щепетильно относившийся к своей наружности, восторженный покровитель искусства, горячий патриот и мужественный человек. Изображать его оборванцем, каким-то животным, грубияном, трусом и маниаком – по крайней мере глупо...»

Очень хорошо, уже потому хорошо, что письмо Карсавиной дает справедливую оценку не только этой шаблонной кинотрагедии немецкой выделки, но и многим шаблонам наших исторических и литературных представлений о государе Павле.

Изображение его монстром, тираном, сумасшедшим, изображение его «каким-то животным, грубияном, трусом и маниаком» – с легкой руки некоторых наших почтенных авторов – стало, так сказать, традицией и отечественной литературы.

На государя Павла Петровича у нас – и очень издавна – принято почему-то смотреть не иначе, как глазами его ночных убийц, вломившихся толпой в его спальню после пьяной оргии у Зубова.

Убийцы пытались оправдать перед потомством зловещую ночь империи – 11 марта 1801 года – ту ночь, когда, может быть, трагически решилась судьба самой России и ее будущих поколений, они пытались оправдать и это зверское терзательство скопом, и эту гнусную потеху над мертвецом. А потомкам угодно было принять их оправдания как полную и единственную истину.

Не было ли это «по крайней мере глупо», говоря словами Карсавиной?

И как бы там ни было, но образ государя Павла, затравленный и перечерченный со слов убийц и нашими авторами, доходит до нас чудовищным видением ночного кошмара, ка-

ким-то бешеным пугалом российской истории.

Тень государя Павла Петровича не нуждается, разумеется, в нашей защите, но вряд ли вместе с тем найдутся теперь и защитники его ночных убийц. Без сомнения, отвратительна эта пьяная и трусливая толпа, готовая разбежаться от первого шума, и, без сомнения, омерзительны эти гнуснейшие глумления над трупом...

«Патриот» Пален имел все основания напиваться мертвецки пьяным всю жизнь, в годовщину мартовской ночи, а «патриот» Зубов – этот состаревший амур екатерининских спален, этот неумный и низкий фаворит старухи, изнеженная пудренная кошка, – доживая свои злые дни сгорбленным скрюгой в глухих поместьях под Вильной, как и Пален, тоже имел всё основания в годовщины марта, по свидетельству современников, быть «мрачным, как будто его преследовала какая-то безотвязная мысль, при слове «смерть» меняться в лице, запирается в спальню и не выносить погребального звона...»

Вряд ли мартовские убийцы оправдались перед собой. Не оправдали их и многие наши авторы, не оправдает их, конечно, и эта грубая и глупая немецкая фильма. Таинственно мерцающий свет империи Павла и полный противоречий образ самого государя волнуют нас и теперь своею загадочностью и привлекают магически.

Все необычайно, все изумительно, все неповторяемо в этой кратковременной империи: государь, великий протек-

тор Мальтийского ордена, мальтийские кресты на мантиях министров и царедворцев, частицы мощей Иоанна, хранимые в Гатчине, и медные орденские донаты Иоанна Иерусалимского, украшающие простых солдат, – весь этот изумительный и грандиозный замысел государя о посвящении России в рыцарство, о превращении – преображении – ее в высокий рыцарский орден.

Таинственные связи государя с московскими розенкрейцерами через архитектора Воронихина – с Новиковым, «верховным представителем теоретической степени Соломоновых наук в России», с вольными каменщиками, которые всегда чаяли видеть Павла великим мастером «осьмой масонской державы России», – также необычайны и далеко не исследованы.

Не исследована также и таинственная история заговора 1774 года о свержении Екатерины и возведении на престол цесаревича Павла, заговоре, в котором упоминаются имена князя Репнина, митрополита Гавриила, Паниных, Дашковой, в котором Д. Н. Фонвизин называется «редактором хартии российских вольностей», ограничивающих самодержавие. По некоторым свидетельствам, заговорщики были якобы выданы Григорию Орлову Бакуниным, но императрица бросила в огонь все принесенные списки со словами: «Не хочу знать, кто эти несчастные», хотя будто бы знала отлично все имена заговорщиков и среди них имя сына Павла...

Эта трагическая распря матери с сыном, эта взаимная

ненависть, подавляемая из года в год, и образ, отца, зарезанного тесаком в темной Ропше, который всегда виделся отвергнутому сыну, – все это, конечно, не могло не превратить государя Павла в «неврастеника, иногда обуреваемого приступами бешеного гнева».

Но все это едва тронато, едва угадано потомками: зловещая тьма мартовской ночи заслонила от нас и образ Павла, и его стремительное и необычайное царствование.

Оно началось ужасающим порывом бури, водоворотом, долго, слишком долго сдерживаемых чувств и планов, – внезапной грозой, огромившей современников. Оно двигалось в нагромождении чудовищных противоречий, в жесточайшей борьбе величественных замыслов с болезненными чувствами человека, изъеденного и затравленного оскорблениями, но грозы и удары, но первые шаги новой империи были действительно величественными и, может быть, ни одна власть не открывала и не обещала столько России, как необычайная империя Павла, оборванная мартовской ночью.

Вспомним хотя бы его смелый закон о трехдневной барщине, этот первый крутой удар по крепостному праву. Вспомним хотя бы его острую заботу о российском солдате. Известны случаи тесной дружбы государя Павла с простыми солдатами, известен случай помешательства гвардейского часового, смененного с поста в замке, где солдат беседовал по ночам с императором.

В мартовскую ночь на дворе замка, узнав о внезапной кончине государя, солдаты заволновались. Ряды ответили гробовым молчанием на команду «ура императору Александру», а когда Николай Зубов крикнул:

– Радуйся, братьцы, мучитель ваш умер!

– Нам не мучитель, а отец, – ответили ему из рядов, и толпа солдат уже двинулась в замок, но Пален – один Пален не потерял самообладания в ту ночь – успел остановить толпу в подъезде...

«Раскольщики» и купцы, мужики и солдаты – вся эта, говоря по-современному, демократическая база империи, чувствовала государя Павла своим государем. Он был чужд и ненавистен петербургским, гвардейским верхам, но не всей нации и не низам народным. Недаром даже и сам «маркиз Пугачев», как называла императрица Екатерина яицкого Емельяна, чаял видеть у себя царевича Павла и носил во главе своих полчищ голштинское знамя его отца, и до сего дня неизвестно как попавшее к бунтовщикам. Мартовских «патриотов» одинаково могло пугать и железное преследование своевольств избалованной гвардии, и небывалый закон о трехдневной барщине, и таинственные планы Павла о союзе с якобитским генералом Бонапарте, и даже такие слова императора контр-адмиралу Чичагову:

– Я знаю, что вы якобит. Вообразите, что и на моей голове не корона, а красный якобитский колпак, что я главный начальник всех якобитов, и подчиняйтесь мне...

Мартовские убийцы понимали, что государь не с ними, что он освободил себя от заложничества гвардейских полков, что вне их, вне придворного екатерининского дворянства, ищет он новых опор нации и империи, что от него можно ждать самых невероятных и неожиданных решений. А его смыслы, полупонятные и неразгаданные даже и теперь, тогда казались явными безумствами. Его и объявили сумасшедшим.

Государя Павла свергли те, кто его не понимал и страшился, его свергла пошлость, пудренная чернь во главе с пошлецом Зубовым. Мартовской ночью пьяная толпа самоуверенной национальной черни сбросила с медного коня Всадника, не понимая и страшась его грозного, его нового бега. И, может быть, именно в этой зловещей ночи – узел всей российской трагедии, всей трагической судьбы самой Империи...

Империя мальтийского рыцаря Павла, озарясь волнами света, необычайными победами Суворова – Альпами, необычайным утверждением адмиралом Ушаковым Республики Ионических островов, под покровительством самого государя, была оборвана мартом, пала не свершенной, отнюдь не развернув своих замыслов во всей грандиозности...

Об этом необходимо было сказать несколько слов, чтобы понять ту изумительную, воистину *Нечаянную оду*, которую нашел я недавно в Бартеневских исторических архивах и привожу ниже в отрывках.

Эта тетрадь, величиной в четвертую долю листа, написан-

ная на шершавой синеватой бумаге, хранилась у историка Семевского.

Имя неведомого пииты, творца оды, – Степан Руссов. Ода была поднесена государю 6 ноября 1797 года, в первую годовщину «на Всероссийский престол восшествия». Это совершенно необычайная ода. Можно с твердостью сказать, что она – единственная в нашей словесности. Она вовсе не в парадном, высокопарном стиле, а полна горячей искренности, прямых и даже грубых чувств. Эта необычайная ода необычайному государю – напор искренних, бодрых чувств зари, пробуждения России...

И есть странная красота в том, как в защите несчастного государя Павла голос славной российской танцовщицы через столетие перекликается и сливается с одой его простого и восторженного современника.

Руссова радуется, что в российской армии нет больше «рот-мистров, не сидевших на коне», и бригадиров, «в полку не бывших», что нет и того, чтобы

Дяди в письмах присылали
Пашпорт фурыерской на зубок...

А нынче, с воцарением Павла —

К чинам идешь сквозь огонь и воды
И эспантоном меришь мир.

Руссов чувствует суровое величие молодой Империи и так славит Павла:

Ты, чтобы с ложью льстец не вкрался
И клеветник не обманул,
Своей рукой за все принялся
И оком собственным взглянул.
Взглянул на огонь артиллерийский,
Взглянул на бег кавалерийский,
На флоты и полки взглянул,
Везде, где спали иль дремали
И правил должности не знали,
Кругом направо повернул.

Велел, чтоб службу одевали,
Давали б в праздник ей шабаш,
Солдаты б ели, не жевали,
И шел бы коням их фураж.
Ты дал гульбе и делу пору,
Вельможам показал Аврору:
Велел, чтоб в пять часов был день.
Трудам, заслугам, дарованьям
Открыл дорогу к воздаяньям,
В отставку чисту выгнал лень.

Взглянул на старость, на заслуги.
На члены ранены стократ,
Томящи жестоко недуги
Российских ревностных солдат...

Меж сект полсферы полуношной
Единодумье водворил,
С твоею церковью восточной
Твои богатства разделил...

Потом дал суд твоим народам
И всюду жалобам их внял.
Наказ дал строгий воеводам
И наглых хищников унял.
Вводя их власть в свои пределы,
Велел иметь им руки белы,
Чтоб всяк был тот, да не таков.
Чтоб страхи житниц не точили
И рыл в избытках не мочили,
В избытках бедных простяков.

А где невинна кровь пролита
На небо крепко вопиет,
Где алчна пятерня несыта
Теснит, жмет, давит и дерет,
А строгий суд, судьи, законы
Не шлют страдальцам обороны,
Там сам дал слово побывать
Или к себе велел дать шагу
И с правдой в ящик класть бумагу
Или по почте присылать.

Тюрьмам дверь отпер и темницам,
Оковы тяжки разрешил...

Чтобы злодейства неотмщенны
Не смели руки простирать
В места судилища священны
И там законы раздирать,

Не смели чтоб ходить воришки
Больших воров в тени, в закрывки,
Творя друг на друга свой суд, —
Назначил вору и воришку
Одну награду и без лишку —
Один нелицемерный кнут.

Крестьян на тяжку призрел долю,
На пот их с кровию воззрел,
Воззрел и дал им полну волю
Свободным в праздник быть от дел.
Рассек на части их недели,
Чтоб три дни барину потели,
А три дни жали свой загон...

Ты смертных жизни взвесил цену,
Сколь им мила и коротка,
И многих тысяч их в замену
Не рвешь лаврового венка.
Князей же, графов и героев
Творить умеешь и без боев,
Луне не корчивши рогов, —
И меч, меч острой и кровавой,
Готов всегда разить со славой

Тебе лишь истинных врагов.

Хоть столько трудно свет беспечной
От сна глубокого поднять,
Сколь отроков от пущи млечной
Иль от груди дитя отнять:
Но ты то лаской, то прещеньем,
То кротким света просвещеньем
Восставил все в один твой год —
В год Божья к нам благословенья,
В год первой твоего правленья,
Порядка, правды и щедрот...